

**Андрей
АНИПКО**
г. Мурманск

* * *

За гранью стекла, за космической пылью
твой теплый, твой нежный, твой взгляд
и руки твои, полоумные крылья,
терзают меня и казнят.

Я из лесу вышел: всё было багрово,
но в щель просочилось тепло,
и я уронил бесполезное слово,
и ветром его унесло.

И я обхватил сумасшедшие руки
раскрошенной известью губ.
Мой голос был как покосившийся флюгер,
и дым поднимался из труб.

На склоне холма, в камышах лукоморья,
за краем известных земель
я был добровольным глашатаем горя,
дудя в обомшелую щель.

И сколько ни били меня, ни бранили,
сквозь все тупики я пронес
колючую пригоршню уличной пыли,
известку космических слёз.
За гранью стекла, за нечаянной гранью,
где столько непрошенных рук,
я был чем-то вроде травы, или тканью,
похожей на вышитый луг.
Но эти твои полупьяные руки
в лохмотьях чужого тепла...
Зачем ты, богиня, на горе и муки
меня из земли извлекла?!

Андрей Александрович Анипко

родился в 1976 году в Мурманске.

С 1993 по 2001 год изучал философию,
древнюю и новую словесность в СПбГУ.

Автор поэтических книг

«Увертюра» (Мурманск, 2002),

«Иллюзиады» (СПб, 2007), «Затмение» (СПб, 2013),

«Флейта» (Мурманск, 2016).

Две последние — посмертно.

Работал библиотекарем в Санкт-Петербурге.

После серьезной травмы позвоночника,
в 2009 году, вернулся в Мурманск.

Работал корректором в мурманских газетах.

Трагически ушел из жизни в июле 2012 года.

«Заросла дорожка к моей оградке...»

ДОРОГА

О том, что малодушие — смертный грех;
о том, что смерть подстерегает всех,
куда бы ни вошел ты или вышел.
О том, как относиться к ней всерьёз,
как будто за тобой бегущий пёс —
всего лишь тень, но голос твой расслышал.
О том, дружок, что нет семи дорог,
о том, как неизбежно одинок,
кто словно поперечина в колёсах.
Лишь ты да я, а прочее — прими
как есть, и позабудь о всех семи:
она одна, как тень твоя, как посох.
Ты любишь, знаю, истины плести,
и здесь я не могу тебя спасти,
поскольку растранижил всё до нитки.
Как зайчик от оконного стекла,
тебе на плечи истина легла —
уймись, оставь бесплодные попытки,
шнуруй потуже лапти: путь далек,
шагая по любой из тех дорог,
которых нет, и все-таки ты вправе
свой выбор, как котомку, пронести
и к финишу с неслышным «пропусти!»
прийти и всё как есть увидеть въяве.

И ЗВЕЗДЫ...

Нет, ни слова, ни звука, ни всплеска, —
 это небо, не роща, не пруд,
 это небо, как ветхая фреска —
 столько света, а спичек не жгут.
 Это всё, что, конечно, не вспомню,
 даже если с собой унесу, —
 в небо входят, как в каменоломню,
 керосинку держа на весу.
 Это небо, и редкие звезды,
 даже реже, чем зубья гребня,
 как уродливые наросты
 на коре одинокого дня,
 одичавшие эти погосты,
 где, наверно, заждались меня.
 Я люблю это стылое небо,
 этот звездный серебряный мох,
 снова день — удивляться нелепо —
 на корню, как осина, иссох.
 Я простер онемевшие руки
 полумесяцу, полухребту:
 в купола, как в надбровные дуги,
 где, как летопись, жизнь перечту
 и, ни строчки знакомой не встретив,
 изготовлюсь — и с красной строки
 поспешу бормотаньем согреть их,
 не нащупав ответной руки.

* * *

Мой виноградник пахнет жостью
 и ржавчиной; который год
 балду пинаю по предместью.
 А снег идет.
 А снег идет.
 И ржавый пурпур виноградин —
 как жёлчь обманутых небес.
 ...Идет, не замечая впадин
 и выемок, наперерез
 кошмарным сном, бессонным бредам,
 горячке, гневу, сам — как гнев,
 как оборотень, свежим следом,
 в мой бедный дом, в мой праздный хлев,
 в бесчастье, ропот, злобный скрежет
 зубов — но не твоя вина,
 что он рукой чужою срежет
 несеяные письма,
 как плоть от плоти тех болот,
 где боль становится точилом
 и снег идти перестает.

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Заросла дорожка к моей оградке.
 Только солнце с ветром играют в прятки
 в мертвецом откормленной лебедке.
 Катафалк проедет с уловом свежим, —
 мы усталые веки на миг размежим
 и опять забудемся. Здесь, в воде,
 пропитавшей грунт, как варенье — булку,
 всех и снов, как высыпал на прогулку
 безутешный сонм переживших нас.
 Шелестят деревья, летают осы,
 мы лежим, безносы и безволосы,
 и шаги снаружи считаем: раз...
 два... четыре... шесть... показалось... тихо.

Над крестом склоняется облепиха,
 да грохочут по насыпи поезда.
 Мы лежали год, пролежим и триста,
 лишь бы сухо было, тепло и чисто —
 да куда там!.. Всё холодной вода,
 всё грязней, журчащая в наших венах.
 Мы гнием в шести деревянных стенах,
 мы забыли, как выглядит свет и как
 пахнет клевер над нашими головами;
 мы не слышим и ждать перестали сами
 вновь услышать ваш милый смущенный шаг.